

Демченко Константин

12+

МАРАФОН

*Марафон – это борьба с последствиями ошибок
героверества, а не с его представителями.*

Константин Демченко

Марафон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67680557

SelfPub; 2024

Аннотация

Человечество рвалось на просторы космоса в поисках новых планет, но жадность и глупость привели к почти полному уничтожению единственной найденной и самой Земли. К счастью, оно смогло остановить безумие и найти компромисс: теперь Солнечная система – это Нейтральная территория, а восстановленная Земля – её центр. У всех самостоятельных государственных, корпоративных и общественных образований есть квота на проживание граждан на материнской планете, а раз в пять лет их представители соревнуются за её увеличение. Марафон Матунга Отэао – главное спортивное событие новой эры.

Константин Демченко

Марафон

Прошло уже два часа с тех пор, как корвет вывалился из гиперпространства. Ещё минут двадцать – и на экранах можно будет увидеть «Терра-окто» – одну из крепостей, защищающих Землю.

Вся Солнечная система представляла собой неприступный укрепрайон, центром которого была связка десяти крепостей и Луны, превращённой в главный его узел, – основную базу флота и платформу для субсветовых и гиперракет, которые были способны превратить любой флагман любого флота в пыль. В свою очередь, все десять были произведениями инженерного и военного искусства, которые и по отдельности-то, по расчётам стратегов и тактиков, не в состоянии была уничтожить ни одна из существующих в галактике сил. Крепости прикрывали друг друга, каждую опекал мощный флот плюс тысячи инди-дотов и автоматических станций. Остальное пространство Солнечной системы бороздили патрули и стаи дронов, автономные ракетноносцы и умные торпеды, тут и там были раскинуты минные поля, и, само собой, каждый метр пространства контролировался миллионами зондов и датчиков. Даже мыши надо было бы постараться, чтобы проскользнуть незамеченной.

И потому только идиот мог рискнуть появиться в не со-

гласованной заранее точке. У него была бы максимум минута для обозначения своих невраждебных намерений, переключения щитов на минимум и деактивацию вооружения.

Капитан корвета, на котором Марио покинул Эру, столичную планету Республики Патрия, идиотом не был, более того – он был одним из лучших в своём деле, потому и команда, и ИИ, и последний болтик работали как одно целое, и ровно в назначенный срок, плюс-минус секунды, корабль обозначил своё присутствие.

Их ждали. Да по-другому и быть не могло: Марио был одним из гостей, о прибытии которых здесь знали уже год назад. Как минимум.

Дальше корвет пошёл уже в сопровождении двух фрегатов, на всякий случай находящихся в состоянии полной боевой готовности – щиты на максимуме, бортовое вооружение нацелено куда надо, что отображалось соответствующей пиктограммой на экране. Это специально, чтобы у гостей была полная ясность и не было желания проявлять самостоятельность. Кроме того, к корпусу корвета прицепилась «прилипала» – мина, активирующаяся при достижении щитами определённой мощности.

Так они доберутся до «Терра-окто», где корвет придётся оставить, гостя проверят всеми возможными способами, организм просканируют вдоль и поперёк, ни одна клеточка, ни одна молекула не останется незамеченной. То же самое со снаряжением – всё будет изучено досконально, то, что мож-

но разобрать без ущерба для функциональности, будет разобрано, а что нельзя, но вызовет подозрения, отправится в аннигилятор. А всё, что не поддаётся разборке, у местных церберов вызывает подозрения. Потом его переправят на Луну, а оттуда на Землю, на станцию «Веллингтон».

И начнётся Марафон.

Марио прикрыл глаза и вспомнил большую аудиторию и бородатого благообразного дядечку, стоящего перед несколькими десятками успешно прошедших отборочные испытания. Голос его нисколько не соответствовал внешности – сиплый, но громкий, уверенный в себе, привыкший отдавать приказы, не позволяющий ни на секунду отвести глаза от своего обладателя.

– Прежде всего ещё раз хочу сказать, зачем вы здесь. Каждые пять лет на Земле проходит Марафон. Участника может заявить каждое государственное, общественное или корпоративное образование. Их много – каждая более-менее крупная космическая станция или тем более планетарная база в своё время объявила себя княжеством, графством, республикой, колыбелью единственно правильной религии и чёрт знает чем ещё. Постепенно их становится меньше, но это неважно, ибо Марафонца в состоянии выставить только самые-самые. На сегодняшний момент таких двенадцать: Хань, Халифат, Цея, Рандом, Квазиноро, Глобал, Орден, Элла, Триада, Африканос, Альмань и мы – Республика Патрия.

Почему остальные не могут? Потому что это дорого. Марафон – это соревнование технологий, химии, генетики, биологии, но прежде всего – вас, людей. В каждого из вас уже вложено по сотне тысяч кредитов и ещё будет вложено намного больше. А те, кто дойдут до финального отбора, будут стоять как авианесущий крейсер. Ради чего? – дядечка замолчал, заложил руки за спину и внимательно оглядел аудиторию, будто ожидая от них ответа, не дождался и ответил сам: – Ради мечты. Когда один из вас победит, Республика Патрия получит увеличенную квоту на доступ своих граждан на Землю. Каждый из нас, ваши бабушки, дедушки, папы, мамы, братья, сёстры получают возможность не менее полугода провести на материнской планете. Поверьте, оно того стоит.

Марио открыл глаза и снова посмотрел на экраны. Вот и она – «Терра-Окто».

Даже на таком расстоянии она выглядела грозно и подавляюще. Это не крепость, это воплощение неизбежности смерти... В чём в чём, а в причинении смерти человечество достигло практически совершенства.

И даже добралось до его апогея, сорвавшись в пропасть самоуничтожения, но чудом зацепилось за выросшее на уступе деревцо и умудрилось выкарабкаться, по сантиметру, по миллиметру вытягивая наверх сбитыми в кровь пальцами истощённое и поломанное тело.

Историю Марио знал хорошо.

Люди излазили вдоль и поперёк всю Солнечную систему, а потом, изрядно потоптавшись на одном месте, освоили технологию гиперпространственных переходов и выскочили на просторы Млечного Пути. Не сказать, что всё шло гладко, – доставляли хлопот и гиперпространство, и обычные космические дела, подводила техника, не обходилось и без помощи братьев по разуму – то «неожиданно» мина окажется на вроде бы чистой точке выхода, то прилетит «случайная» торпеда, а некоторые не чурались и откровенного пиратства.

Но это не останавливало государства и корпорации в их поисках. А искали они планеты, подходящие для колонизации – очень уж хотелось иметь свою собственную Землю. Но учёные что-то напутали в своих расчётах и гипотезах, и вместо сотен или хотя бы десятков пригодных для жизни без скафандра планет нашли лишь одну – очень симпатичную, с почвами, вполне подходящими для сельского хозяйства, с достаточным количеством минеральных и иных ресурсов, без слишком опасных форм жизни.

Прима – так называло её руководство корпорации «ПримаСпейс», одной из крупнейших на тот момент. Колонизация пошла огромными темпами, транспорты с людьми, техникой, станками и стройматериалами так и сновали между Землёй, другими базами «ПримаСпейс» и Примой. Огромное количество желающих начать новую жизнь покидали насиженные места и получали корпоративные паспорта. Но, как не сложно догадаться, далеко не все конкуренты были

готовы согласиться с единоличным правом «ПримаСпейс» на обладание новым миром и стремительным её возвышением. «Это несправедливо!» – решили отдельные сильные мира сего, хотя до сих пор крайне редко использовали это слово в своём лексиконе. И поехали творить справедливость для начала шпионы и агенты, потом борцы за «новый мир для всех» и саботажники, чуть позже появились диверсанты и террористы. Наконец у корпорации «Ёаке» не выдержали нервы, и произошла первая попытка захватить Приму грубой силой: подошёл флот, и десант спустился на поверхность планеты. Она же стала последней. Атака была отбита, но к этому времени ещё несколько горячих голов подогнали войска вторжения – а вдруг у «Ёаке» получится и другим опять ничего не достанется? Началась драка всех против всех, в ходе которой единственная найденная пригодная для жизни планета превратилась в хорошенько поджаренный радиоактивный пончик, щедро посыпанный химией и приправленный вирусами и бактериями. Остались несколько почти не тронутых мест, и там даже выжили поселенцы, но кому теперь была нужна такая планета? Проблем больше, чем выхлопа. Хотя нашлось несколько деятелей, которые начали процедуру очистки Примы от последствий войны, но даже по оптимистичным прикидкам на это потребовалось бы десятки и сотни лет – слишком отдалённая перспектива для большинства живущих ради прибыли гомо, прости господи, сапиенс.

Люди назвали трагедию Примы генеральной репетицией конца человеческой цивилизации и посчитали, что такой урок она точно выучит.

Но глупость, самоуверенность и жадность победили. Причём всего через десяток лет. В итоге Земля повторила судьбу Примы, хотя и в значительно меньших масштабах – просто повезло, что основные центры принятия решений были ликвидированы в течение первого часа активных действий, и дальше просто некому было отдавать приказы на окончательное превращение брэнного мира в ад. Но и этого хватило для того, чтобы население сократилось в несколько десятков раз. В дальнейшем те, кто мог, переселились в ранее пустынные, а потому менее пострадавшие места – Западную Австралию, Заполярье, глубокие пустыни и труднодоступные горы. А кто не мог, остались выживать на руинах городов, пропитанных радиацией и прочей гадостью. Да и вне городов было не лучше. И когда люди взглянули вокруг глазами, очистившимися от кровавой пелены, то поняли, что теперь у них остались только космические корабли, базы и станции на орбитах и на поверхности планет-рудников, планет-заводов, планет-лабораторий. Многие из них были огромны, с населением в сотни тысяч, совокупный промышленный потенциал был колоссален... Вот только Земли не было.

Осознав, что натворили, представители всех государств, корпораций, религий, сект, общественных движений и других хоть сколько-нибудь значимых организаций, собрались

вместе и постановили создать Нейтральную Территорию Солнечной системы с центром на Земле. Все возможные ресурсы были направлены в первую очередь на очистку и восстановление материнской планеты, благо к этому времени уже накопился кое-какой опыт на Приме, на которой кстати, все работы пришлось свернуть. Параллельно с нуля создавалась политическая, военная и общественная структура, призванная в будущем обеспечить защиту Земли.

По воспоминаниям участников того совета, на самом деле мало кто верил в успех этой затеи – слишком хорошо они знали и себя, и своих партнёров-оппонентов. Тем удивительнее, что всё получилось, и теперь люди имеют то, что имеют, – нейтральную территорию, на которую никто не смеет посягнуть. Все организации получили квоты на пребывание своих граждан на территории материнской планеты.

Удалось очистить мировой океан и почвы, восстановить растительность и животный мир, целые экосистемы были созданы заново. Для людей отстроили новые города, которые стали частью живой природы, а не гноящимися язвами на её теле.

Исключением стала Новая Зеландия. Она пострадала больше остальных территорий – как оказалось, её использовали как хранилище и гигантскую площадку для баллистических ракет. Вот только это было секретом Полишинеля, и по ней прилетело одной из первых, причём несколько носителей содержали бактерии и продвинутые мутагены, то есть

биологическое оружие. То, что получилось в итоге, не лезло ни в какие рамки, и это решили сделать наглядным напоминанием потомкам о том, чем могла бы стать вся планета. Новую Зеландию изолировали от остального мира и оставили как есть – с мёртвыми пустынями, слишком живыми джунглями, мутировавшей флорой и фауной.

Новая Зеландия получила новое название – Матунга От-эао, в память об исчезнувших маори, что в переводе с их языка означает «конец света».

А ещё она стала местом проведения Марафона.

Марио очнулся от задумчивости, когда прозвучал предупреждающий сигнал – всем следовало занять места согласно расписанию, через десять минут начнётся стыковка. «Терра-Окта» занимала уже весь экран.

Скоро, уже очень скоро он окажется там, где не нужен скафандр и нет нужды следить за датчиком расхода воздуха, где можно пройтись босыми ногами по мягкой зелёной траве, подставить лицо прохладному дождю, погреться под настоящим солнцем, поплавать в солёном море, посмотреть на ясное и такое далёкое голубое небо... Марио видел всё это на записях и до сих пор до конца не верил, что так действительно бывает.

Досмотры и проверки на «Терра-Окта» прошли как по маслу, и его доставили на Луну.

Тут, на лунной базе «Луна-унус», он впервые в жизни увидел Землю не на экране. Он стоял под прозрачной сферой

и смотрел на планету, висящую прямо перед ним. Не такая яркая, как ему представлялось раньше, но и правда синезелёная, с неряшливо нанесёнными мазками облаков. Дыхание перехватывало, казалось, он мог так простоять целую вечность...

– Мистер Эклунд, пройдите в зону вылета, – раздался голос из динамиков.

Марио бросил последний взгляд на Землю и вышел в коридор. Скоро он будет там.

Первые его шаги на Земле ничем не отличались от шагов по Луне, «Терра-Окто» или базам его родной Патрии – те же металлические стены, пол и потолок, мягкое освещение и никакой связи с внешним миром. Что неудивительно: база «Веллингтон» размещалась на острове Матиу, в гавани Веллингтона, точнее того, что раньше им было. Как Марио знал, на базе есть только одно помещение, из которого можно взглянуть на берег невооружённым взглядом, совсем как на «Луна-унус». Можно догадаться, что степень враждебности окружения и здесь, и там примерно одинаковая. Только на Луне следовало опасаться метеоритов и разгерметизации, а тут иногда приплывавших с большой земли представителей фауны, не менее опасной флоры, бактерий, радиации.

Как только Марио покинул тамбур, из динамиков прозвучал голос:

– Следуйте указателям.

Тут же на полу зажглись стрелки, по которым он дошёл до двери, открывшейся прямо перед ним. Марио заглянул – похоже на комнату ожидания: небольшой диванчик, на котором можно при желании улечься, столик с бутылочкой воды и экран на стене. В противоположной стене тоже была дверь, закрытая. Он зашёл внутрь и сел на диван.

– Ожидайте, – сообщил тот же голос, потом включился экран, на котором показывали какой-то концерт. Марио не особенно разбирался в музыке и потому не узнал исполнителей.

– Покажи вид снаружи, – произнёс Марио.

Изображение тут же сменилось на водную гладь и тёмно-зелёный берег, на котором можно было разглядеть редкие здания и даже парочку чудом уцелевших башен, которые, правда, можно было идентифицировать исключительно по силуэту – так густо их покрывала растительность.

– Круговой обзор.

Камера начала медленно поворачиваться вокруг своей оси, показывая панораму всей гавани. На первый взгляд, всё так же, как в учебных фильмах, которые он смотрел дома.

– Максимальное приближение, круговой обзор, – снова приказал он, когда на экране вновь показались остатки города.

Изображение плавно увеличилось, и теперь можно было рассмотреть берег в мельчайших подробностях. Стало понятно, что здания не самом деле были не редки, просто

джунгли поглотили их настолько, что только местами проглядывали белые куски стен, или луч солнца отражался от толстого бронированного стекла – другие здесь не уцелели. По мере поворота камеры исчезали и эти признаки человеческой деятельности – зелень, зелень, зелень...

Внезапно дверь противоположная той, откуда он зашёл, открылась, и голос сообщил:

– Следуйте указателям.

Собственно, указатель появился только один – перед открывшимся проходом загорелась стрелка. Экран погас, и Марио ничего не оставалось, как пройти дальше.

Перешагнув порог, он очутился в ярко освещённой комнате, где обнаружил свои контейнеры с костюмом и снаряжением. И без комментариев голоса было ясно, что пришла пора приводить себя в состояние полной боевой готовности, хотя он всё-таки об этом сообщил.

Норматив на полную экипировку: полторы минуты в максимальном оснащении и сорок секунд в минимальном. Но Марио эти штуки в разных сочетаниях и комплектности надевал на протяжении десяти лет, так что у него ушло сорок секунд на «Макс+» – уникальный костюм, сделанный именно для него, продукт достижений науки и кропотливой ручной работы лучших специалистов в своих областях. Костюм сидел идеально, нигде ничего не жало и не было слишком свободно, шлем сел на своё место, сработала блокировка, и автоматически запустился тест системы изоляции от внеш-

ней среды – клапаны закрылись, воздух снаружи поступать перестал, костюм стал полностью автономен. Ошибок не обнаружено. Встроенные сервоприводы один за другим сократились – здесь тоже всё отлично. Рюкзак, приличным горбиком выступавший на спине, благодаря им почти не ощущался, а ведь там были и баллоны с кислородом, и мощный аккумулятор, и контейнеры с водой, пищей, стимуляторами и лекарствами. Марио мог без особенных проблем провести в этом костюме несколько дней, вообще его не снимая. Отличный костюм, в общем. Единственный минус: он был испытан во всех возможных средах, кроме той, для которой предназначался, – природы негостеприимного Северного острова. Но в теории он должен был выдержать всё.

Затем Марио подцепил снаружи разнообразные приспособления, от сюрикэнов до лебёдки.

– Я готов, – вслух произнёс Марио.

Индикатор над дверью сменил красный цвет на жёлтый, и голос произнёс:

– Ожидайте.

Прошло ещё несколько минут, и наконец индикатор загорелся зелёным, одновременно створки дверей раздвинулись, и стал виден большой зал.

Марио сделал несколько шагов вперёд. Он оказался на небольшой площадке, границы которой были обозначены светящимися красными линиями. Он повернул голову в одну сторону, потом в другую: и справа, и слева от него плав-

ной дугой застыли фигуры людей. Половина их была в костюмах наподобие его собственного, на троих были тяжёлые комбезы, явно позаимствованные у штурмовиков, а ещё трое в совсем лёгких комбинезонах – как будто они не знали, куда явились. Хотя, само собой, это было не так, просто их фишкой была не техника, а биотехнологии и генетика.

Его соперники.

«Раз, два, три...» – считал он про себя, дойдя до двенадцати, как и должно было быть.

На площадке напротив них из тени вышел ещё один человек.

– Приветствую претендентов на Марафоне, – произнёс куратор, а это был именно он, и все тут же закончили вертеть головами и устремили взгляды на него. – Правила: первое – побеждает тот, кто первым доберётся до финиша на острове Матакана; второе – запрещено любым способом негативно воздействовать на своих соперников, уличённый в этом дисквалифицируется, его организация отстраняется от участия в Марафоне на десять лет; третье – в случае угрозы смерти участника активируется защитный кокон, участник эвакуируется и признаётся проигравшим. Наденьте коконы.

Перед Марио, как и перед всеми остальными, на полу лежала небольшая пластина толщиной сантиметра два, которую он поднял и прижал к правой стороне груди. Она тут же приклеилась, так что оторвать её было невозможно.

– Расстояние – 420 километров по прямой. Маршрут и

график выбираете сами, – продолжил куратор, но тут же закончил. – Удачи!

Он сделал шаг назад и исчез в глубокой тени, будто его и не было, а через десяток секунд стена, у которой он стоял, начала опускаться вниз.

В помещение ворвался порыв ветра, наполнивший его запахами моря, цветущих растений и много чего ещё. Запахами жизни.

Марафон начался.

Но никто не рванулся вперёд сломя голову. Марафон не терпит спешки. Четыреста двадцать километров каждый из собравшихся здесь мог бы преодолеть примерно за сутки – ровный бег с короткими остановками на отдых, совмещённый с приёмом пищи. Вот только Марафон – это не спортзал, где есть только ты, дорожка и время. Здесь есть ещё ветер, дождь, страх, грязь, джунгли, отчаяние, пески, горы, хищники... Марафон – это целая жизнь.

Стена опустилась до конца, запустился обратный отсчёт:
– Десять, девять, восемь...

А вот теперь уже надо было трогаться: тот, кто остается внутри при счёте «один», будет считаться выбывшим. Все претенденты почти одновременно пошли к открывшемуся проёму и вместе же вышли наружу. Стена сразу же пошла вверх и через несколько секунд встала на своё место.

Марио осмотрелся.

Они стояли почти на самой верхней точке Матиу, до воды

было метров пятьсот достаточно пологого спуска. А дальше их ожидал один из самых сложных этапов Марафона – проплыть почти три километра по открытой воде. Конечно, на тренировках они проплывали и три, и пять, и десять, и даже больше, но то в бассейнах, под защитой стен и видя под собой надёжное дно. А тут... Пожалуй, только для парней в штурмовых скафандрах это не будет проблемой – просто включают движители и доберутся до берега, как катера. Вот только на это расходуется уйма энергии – это ведь почти то же самое, что полёт, а штурмовики не должны летать, они могут далеко прыгнуть или мягко приземлиться, но не более того. А тут минут десять постоянной работы. Энергии в аккумуляторах останется впритык, и если случится хоть какая-нибудь задержка в пути, то всё: или бросай скафандр и беги дальше почти голый, или признавай поражение. Но тут у всех так – есть плюсы и минусы у каждого подхода к прохождению Марафона, и каждый может победить или проиграть.

Все вскинули руки: поприветствовали сотни миллионов людей, наблюдающих за главным спортивным событием новой эры.

– Удачи, – произнёс кто-то справа и лёгкой трусцой направился вниз по склону.

Тут уж и все остальные пожелали удачи своим соперникам и двинулись к берегу.

На первый взгляд, это странно – желать удачи конкурен-

там, но так уж их воспитывали. Они борются за лучшее будущее для своих близких, но они не враги. Марафон – это борьба с последствиями ошибок человечества, а не с его представителями.

Марио подбежал к воде и без малейшей задержки и сомнений скользнул в воду. Руки и ноги методично заработали, совсем как на тренировках, и с каждым взмахом он начал отдаляться от островка. Он услышал лёгкие всплески от входящих в воду соперников, но отслеживать их передвижения не собирался – нет смысла, у него свой план, у них свой. Тяжёлые в любом случае сейчас уйдут вперёд, но по суше они будут передвигаться чуть медленнее, остальные доберутся до суши примерно за одно время, да и там тоже будут двигаться плюс-минус в одном темпе. Победит тот, кто выбрал правильный маршрут и правильно распределит силы.

Благодаря сервоприводам Марио развил сумасшедшую для простого пловца крейсерскую скорость, и при этом он внимательно смотрел по сторонам и на данные сенсоров: главной опасностью заплыва были морские хищники или какой-нибудь земноводный мутант, учуявший угощение. Ещё и штурмовики наверняка потревожили всех, кого могли, – их движители хоть и работали почти бесшумно, но в мёртвой тишине залива они звенели, словно сигнал тревоги.

А ещё Марио наслаждался. Да, именно так. Он первый раз в жизни плывал не в бассейне, над ним было голубое бездон-

ное небо, под ним тёмная бездонная бездна, а впереди его ждал зелёный берег. Ради этого он тренировался десять лет. Точнее, ради этого и ради победы.

Хотя был и страх. Марио не настолько глуп, чтобы не признавать наличие такого здорового чувства.

Прошло уже четыре минуты, значит, он одолел около трети дистанции. Марио всё-таки огляделся в поисках соперников – как и ожидалось, штурмовики уже были почти у берега, остальные разбились на две неплотные группы. Всё правильно: хотя направление у всех одно, но маршруты могут быть разные – кто-то пойдёт по побережью, кто-то ближе к гряде Тараруа, а кто-то может полезть и через горы – местность сложнее, но меньше живности и растительности.

В углу лицевого щитка, среди немногочисленных меток, обозначающих более-менее крупные объекты, началось активное движение, а потом они рассыпались в разные стороны. Значит, пожаловал кто-то посolidнее. Через пару секунд появилось пять меток, которые, похоже, и стали причиной волнений морских обитателей. Они стремительно приближались, но Марио не стал прибавлять ходу – надо беречь силы для манёвров и финишного рывка, если таковой понадобится, а может, и для драки.

Очень скоро он уже собственными глазами увидел буруны на поверхности воды, оставляемые чьими-то мощными телами.

Восемь минут прошло, осталось около шести.

Руки поднимались и опускались, таймер медленно отсчитывал секунды. Охотники немного разошлись, как будто наметив для себя жертвы. Один охотник – одна жертва. Судя по повадкам, это морские львы, точнее, их сильно изменившиеся потомки. Могло быть и хуже, хотя и они не подарок.

Львов было пять, а людей девять, была вероятность вообще проскочить на дурака... Нет, не повезло. Один явно направился к Марио.

Пятьдесят метров, тридцать, десять... Марио резко нырнул в глубину, и хищник пронёсся над ним, едва не задев плавниками, огромная туша не дала ему развернуться сразу, да и панцирь сделал их менее манёвренными. Но через десяток метров он снова атаковал Марио – тот резко остановился и подался назад, снова рванул вперёд. Если так пойдёт дело, то он может добрых полчаса до берега добираться, а ведь ещё можно не успеть увернуться в один прекрасный момент. На следующем заходе льва Марио совсем чуть-чуть отклонился в сторону и, правильно поймав момент, вонзил в его загривок выдвинувшиеся из перчаток на левой руке когти. Из браслета на правой выскочил острый, как скальпель, длинный клинок и вошёл под третью от ушных раковин пластину. Марио убрал когти, а тело морского льва дёрнулось и сразу же обмякло, медленно стало погружаться в глубину, оставляя за собой дымящийся кровавый след. Идеальный удар, сантиметр в сторону – и лев был бы только ранен, тогда пришлось бы худо.

Марио вынырнул на поверхность и поплыл дальше, всё-таки прибавив темп. Теперь к звуку движителей тяжёлых добавился ещё один раздражитель – запах крови.

Через пару минут он выбрался на усыпанный мелкой галькой берег, осмотрелся. В десятке метров справа от него лежал огромный кокон грязно-розового цвета с копной слабо шевелящихся щупалец. Размером примерно как человек в штурмовом скафандре. Похоже, одному из тяжёлых не повезло: зацепил актинию на мелководе, и та его схватила. Он смог выбраться на берег и вытащил её за собой, но та всё равно его проглотила. Он, видимо, покромсал её изнутри – не зря же она подохла, уже и цвет потеряла, но то, что слопала новозеландская актиния, она уже никому не отдаст. Даже дохлая. А чтобы вскрыть её стенки, понадобится плазменный резак и минут двадцать времени.

Один выбыл.

Марио заметил скрывавшихся в джунглях двоих соперников, обернулся и увидел ещё четверых, подплывающих к берегу. Либо остальные ушли вперёд, либо они уже не доплывут.

Такой он – Марафон.

Если Марио и увидит кого-нибудь из соперников, то, скорее всего, только на финише, на Матакана.

Он пошёл от берега к зарослям, постепенно увеличивая темп, побежал трусцой, а через пару десятков метров вышел на крейсерскую скорость.

Бежать было не так легко, как на полигоне, но вполне приемлемо.

Марио перепрыгнул лежащее бревно, обогнул подозрительно чистую поляну, заросшую густой и неестественно яркой травой, запрыгнул на небольшой валун, ещё один, следующий, миновал так целую каменную россыпь, нырнул в тень крон каури, сразу же увернулся от упавшего сверху бутона хищной лианы, пригнулся, пропуская над собой облако спор, выпущенное красно-оранжевым цветком, опутавшим корнями ствол дерева. Взмахнул рукой, рассекая надвое мгновенно выскочившим клинком прыгнувшего на него с ветки ярко-зелёного геккона, кровь которого зашипела и задымилась, капнув на землю, ужом скользнул под упавшим стволом дерева, покрытым мхом и лианами, заметил почти сливающийся со стволом нарост и резко принял влево, свернув с более-менее удобной тропы, зато избежав встречи с лягушкой Хочстеттера-Потрошителя. Выбежал из леса на зелёный луг и прибавил скорость, побежал почти на максимуме, разглядев по правую руку стаю киви-кровососов, которые рванули в его сторону, но отстали, как только он снова нырнул под защиту деревьев.

Потянув из одной трубочки питательную смесь, а из другой немного воды, Марио взглянул на датчики расхода энергии и смесей – всё отлично, даже получилось сформировать небольшой профицит. В левом верхнем углу щитка еле заметно моргал жёлтый сигнал – позади уже три часа непре-

рывного бега, совсем недавно сигнал был зелёным, скоро он сменится на оранжевый – лучше до этого не доводить и сделать небольшую передышку. Марио перешёл на шаг и через пять минут, когда пульс уменьшился до нужных значений, ввёл первую, но точно не последнюю дозу стимулятора.

Из густой травы чуть выше по склону показалась голова совиного попугая. Он безобиден, если только не давать ему приблизиться ближе двух метров – примерно на столько выстреливает его усыпанный мелкими ядовитыми шипами язык. Попугай проводил Марио глазами, словно залитыми молоком, и спрятался обратно. Сразу же раздался резкий скрипящий визг – это он дал сигнал своим, затаившимся, скорее всего, в сотне метров дальше: есть добыча. Марио уже достаточно отдохнул и перешёл на бег – надо миновать засаду прежде, чем её успеют хорошенько подготовить. Он успел: наперерез ему со склона горы катилось три серо-зелёных шара – та самая засада, но они разминутся больше чем на пять секунд – в вопросах выживания это целая вечность. Марио даже оборачиваться не стал, когда за его спиной раздалась чуть не обиженные крики оставшихся голодными попугаев.

Хребет Тараруа остался позади, теперь перед глазами маячили вершины Руахине, надо будет пройти по краю гряды и примерно на середине свернуть к вулкану Руапеху.

Скорость передвижения сильно упала: Марио просачивался сквозь густые заросли, временами даже перебираясь

на верхний ярус джунглей, где прыгал с ветки на ветку, как лучшие представители обезьяньего семейства. Он не обращал внимания на тучи насекомых, которые не могли прокусить или прорезать плотную ткань комбинезона, но вот чтобы не попасть в облако кислотных ос, пришлось сделать приличный крюк. В последний момент Марио заметил муравейник, который занимал целую полянку диаметром пять-шесть метров, и, вместо того чтобы наступить на обманчиво плотный травяной покров, оттолкнулся и перелетел через неё, на другой стороне уцепившись за свисающую с молодого папоротника лиану. Почувствовав присутствие пищи, из-под земли, как убежавшая из кастрюли каша, полезла масса муравьёв, исторгавшая из брюшек мельчайшие капельки яда, которые взлетали на несколько метров вверх, но Марио уже соскочил на землю и побежал дальше, приводя в порядок подскочивший пульс.

Марио принял четвёртую дозу стимулятора, когда добрался до вулкана. Здесь он сделал очередную передышку – лучше места не найдёшь. Отсюда и до самого Нгаурухо местность представляла собой гладкую поверхность, словно по ней прошли гигантским утюгом, земля на несколько метров в глубину пропеклась и превратилась в стекло, гарантирующее, что ещё сотни, если не тысячи лет здесь не прорастёт ни одна травинка. Фауна сюда тоже не забредала, так делать здесь было нечего. Тишина и покой. Такой могла бы стать вся Земля.

Он отдохнул и снова перешёл с шага на бег, рассчитывая на этом участке вырваться вперёд. Вполне вероятно, никто из соперников не проложил маршрут через Стеклоплато, хотя это самый короткий и скоростной путь – слишком много здесь значит удача.

Марио скорее почувствовал, чем услышал тихий треск под правой ногой и не позволил телу опереться на лопающееся стекло, изогнулся в воздухе, сжался, оттолкнулся от поверхности обеими руками, пролетел несколько метров вперёд, распластался по земле и заскользил. Стекло за ним с теперь уже громким хрустом ломалось и местами падало вниз, а местами вставало острейшими торосами. Кое-где на этом плато в стекло превратилась не земля, а газ, вырвавшийся из образовавшихся от ударов бездонных разломов, вперемешку с мельчайшими кусочками породы. Наступи на такой – и всё, конец, если только ты не спец типа Марио. Да и ему повезло: если бы разлом продолжался в сторону его рывка, то второй раз он бы вряд ли справился. И вряд ли бы его потом нашли. Кураторы Марафона достанут твой кокон почти отовсюду, но точно не из недр земли.

Он вскочил на ноги и помчался дальше.

Ещё дважды Марио слышал треск под ногами.

Показалась гладь озера Таупо, которое теперь чаще называли Паучьим. Капельки воды, попавшие на сплошной ковёр из паутины, тускло поблескивали при свете луны. Северная часть озера была пока что свободна от почти прозрачного по-

крова, но с каждым годом она уменьшалась. На этом участке, как, впрочем, и на всех остальных, приходилось выбирать меньшее из зол: либо двигаться близко к берегу озера, либо по пустоши, растянувшейся на добрых (злых, на самом деле) пятьдесят километров. Это была вотчина бактерий-зомби, которым было безразлично, кого или что захватывать и включать в свою дружную семью. «Смешались в кучу киви, люди, цикады, сцинки, пауки, деревья, жабы, мотыльки...» — пролетела в голове Марио неведомо откуда взявшаяся строчка.

Марио отвернул от озера: если он попадётся в паутину, а вероятность этого близка к девяноста восьми процентам, то оттуда его не достанут никогда. Он включил режим полной изоляции и через несколько минут выбежал на пустошь. Основной заряд батарей уйдёт именно здесь, как он, собственно, и рассчитывал. Очередная порция стимулятора растеклась по телу, освежая уже иногда сбоивший мозг и подстёгивая все системы организма.

Здесь не было нужды слышать и слушать, здесь не было жизни. Вся растительность давно превратилась в прах, шуршащий под ногами и взметающийся мутными серыми облачками, и только деревья возвышались либо изъеденными пеньками, либо отличающимися от живых только отсутствием листвы да мёртвым цветом коряг. Иногда в кучах пепельной массы можно было разглядеть силуэты животных, но встречались и вполне сохранившиеся экземпляры, напри-

мер, целая стайка киви, похожих на экспозицию музейных чучелок. Марио увидел впереди, среди стволов деревьев, несколько холмиков, которые при приближении превратились в хижины маори, присыпанные всё тем же прахом. Под навесом одной из хижин напротив друг друга застыли два человека – один почти не изменился, только высох да вместо глаз блестели затянутые тёмной плёнкой провалы, а второй в виде полного скелета цвета апрельского снега, непонятно по какой причине до сих не рассыпавшийся.

Внезапно из приозёрных зарослей, опутанных паутиной, выскочил паук размером с крупную собаку, за считанные секунды пересёк «серую» зону и метнулся в сторону Марио, вздымая облака праха, скрывшие его от под собой. Спустя пару ударов сердца серая завеса стала оседать, открывая взору всё медленнее бредущего паука. Он начал пошатываться, осел на одну сторону, на другую и наконец повалился на бок, поджав под себя лапы. Почти мгновенная смерть.

Алгоритм деятельности бактерий-зомби до сих пор не прояснён – что-то они уничтожали и превращали в тот самый прах, а что-то продолжало существовать, как тот маори, голова которого еле заметно повернулась в сторону пробегающего мимо человека.

Миновав пепельную равнину, Марио остановился. Он срезал путь, но теперь надо провести тщательную дезинфекцию – если хоть одна бактерия-зомби останется на поверхности комбинезона и потом каким-нибудь образом попадёт

внутри или даже просто на кожу, то ему конец. Через день или два, может, даже через неделю, всё зависит от масштаба заражения, иммунитета Марио и ещё нескольких не до конца определённых факторов, его внутренние органы начнут осыпаться пылью, а соединительные ткани превращаться в нечто иное.

Сначала он достал из рюкзака три капсулы, раздавил их и бросил под ноги. Из каждой капсулы начал выходить газ, окрашенный в разные цвета. Потoki смешивались, взаимодействуя и образуя новое вещество, которое разрушало все известные науке виды связей и живые или даже уже мёртвые организмы. Искупавшись в ядовитом облаке и дождавшись, когда оно осядет, превращая землю вокруг него в выжженный круг диаметром около трёх метров, Марио достал ещё одну капсулу, побольше прежних, и распылил из неё жидкость на голову, плечи и грудную клетку – мельчайшие капельки расплылись по поверхности и соединились, образовав непроницаемую плёнку, растворяя и поглощая под собой всё, что могло выжить после газовой обработки.

Само собой, на Матакана его прогонят ещё не через одну камеру дезинфекции и поместят на карантин минимум на три недели, но пока придётся обойтись тем, что есть.

Спустя час бега он услышал слабый звук коптера, движущегося ему навстречу. Через десяток секунд он увидел и сам дрон – тот стремительно двигался в его сторону, но, не долетев, завис на одном месте, потом опустился ниже, почти

исчезнув в кронах деревьев, и вскоре взлетел, поднимая на тросе защитный кокон. Именно в таком коконе оказался бы и Марио, воспользуясь он выданным на Матиу прибором, значит, это ещё один его соперник. Бывший соперник.

Марио был на финишной прямой: ещё около двух часов бега, потом короткий заплыв через Тауранга-Харбор – и он будет на месте. Датчики показывают, что энергии должно хватить, тело тоже пока слушается, а значит, он должен победить.

Или победитель уже будет его ждать.

Эта мысль выдавила из лёгких яростный хрип и хлестанула Марио не хуже кнута. Он взвинтил темп, благо был небольшой профицит по ресурсам.

Пора было сворачивать с относительно безопасной равнины в узкую полосу труднопроходимых джунглей. До океана уже рукой подать.

Марио заметил что-то, что можно было назвать просекой, и сразу же свернул. Он просачивался между стволами и лианами, руки работали на автомате, либо раздвигая заросли, либо разрубая их, мозг мгновенно оценивал обстановку и давал команду ногам и всему телу.

Хотя нет, уже не мгновенно. День, ночь, день непрерывного бега... Это не шутка.

Марио вырвался из зарослей и совсем недалеко увидел полосу воды. Он помчался на крайнюю точку мыса Омокароа, откуда до Матакана чуть больше полутора километров.

Приняв двойную дозу стимулятора, что крайне не рекомендовалось врачами, но было крайне необходимо в этот момент, он уже не экономил сил – последний рывок. Не останавливаясь, он нырнул в мутные воды Тауранга-Харбор и поплыл так, как никогда раньше не плавал. Пару раз он уворачивался от чьих-то щупалец, при этом ни на каплю не сбавляя хода.

Марио выбрался на илистый берег и побежал к пятиметровой стеле, у подножия которой и был заветный финиш. Краем глаза он заметил справа от себя движение, повернул голову и увидел бегущего человека. Счёт пошёл на секунды. Сердце, подстёгнутое химией, колотилось как бешеное, Марио чувствовал, как кровь бурлит в сосудах, как набухли измождённые мышцы, как на грани работает весь организм. Фигура справа всё ближе, разум отсчитывает метры и констатирует, что на пару мгновений, но соперник будет впереди...

Вот только Марио сейчас не «человек разумный», он машина, у которой есть цель и нет ограничений. Адреналин зашкаливает, тело подчиняется последнему приказу и выстреливает вперёд, разрывая мышечную ткань и сухожилия, сервоприводы срабатывают в красную зону, ломая суставы... Марио падает на финишную плиту поломанной куклой, руки и ноги неестественно вывернуты, через секунду на него сверху падает чужое тело, придавливая и доламывая, но плита под ним загорается зелёным светом, и на экране пробе-

гает надпись: «Марио Эклунд, Республика Патрия. Статус – первый». Лицо его расплывется в торжествующей улыбке, сознание гаснет от вводимых препаратов.

Победа...